

ПРАВО и ДЕМОКРАТИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК 19

**Минск
БГУ
2008**

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

УДК 340(082)
ББК 67я43
П68

Сборник основан в 1988 году

Редакционная коллегия:

доктор юридических наук, профессор *В. Н. Бибило* (гл. ред.);
кандидат юридических наук, доцент *Г. А. Шумак* (зам. гл. ред.);
доктор юридических наук, профессор *С. А. Балащенко*;
доктор юридических наук, профессор *А. А. Головки*;
доктор юридических наук, профессор *Т. И. Довнар*;
доктор юридических наук, профессор *А. В. Дулов*;
доктор юридических наук, профессор *В. М. Хомич*

Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 19 / редкол. : В. Н. Бибило
П68 (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – 352 с.
ISBN 985-485-307-1

В сборнике представлены научные статьи об исторических типах государства и права, власти народа, эффективности норм права, особенностях законодательства о судоустройстве и статусе судей, защите банковских вкладов, правовом регулировании корпоративных отношений, совершенствовании гражданского процессуального законодательства в сфере регулирования прав несовершеннолетних, классификации преступлений, реализации прав участников уголовного процесса, особенностях норм уголовно-процессуального и уголовного права о давности обвинительного приговора суда, криминалистическом анализе экономических преступлений.

Для научных работников, преподавателей и студентов юридических учебных заведений, работников правоприменительных органов.

УДК 340(082)
ББК 67я43

ISBN 985-485-307-1

©БГУ, 2008

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

В. И. Ермолович

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ИНСТИТУТОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА СЕРБИИ И СТРАН КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Процессуальное право средневековой Сербии является типичным образцом становления и развития данной отрасли права в странах континентальной Европы. Элементы судопроизводства формировались у населения, проживавшего на территории Древнесербского государства, т. е. южных славян, в рамках правового обычая и судебной практики. Наряду с этим существенное влияние на развитие сербского средневекового права, в том числе и процессуального, оказала рецепция норм римского права.

Одним из наиболее древних и самобытных источников процессуального права южных славян, который сохранился до наших дней, является Винодольский закон. Он был принят 6 января 1288 г. представителями винодольских общин с участием князя и знатных людей в главном городе Винодола – Новом граде. Предварительно все жители Винодола, «люди церковные и миряне, после здравого совещания в собрании ... избрали из каждого города винодольского по несколько человек, не самых старших, но тех, про которых известно было, что они помнят законы своих отцов и то, что слышали от своих дедов; им же повелели и приказали точным образом записать все хорошие, старинные, испытанные законы Винодола, которые они, может быть, помнят сами или же слышали про них у своих отцов и дедов...» [1, с. 157]. Таким образом, основу данного правового акта составляют правовые обычаи предков современных сербов и хорватов, которые проживали в этих землях в эпоху раннего средневековья. Один из них изложен в ст. 69 Винодольского закона, которая допускает возможность примирения сторон при условии выплаты виновной

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

стороной откупа в пользу пострадавшего лица либо его родственников [1, с. 167]. В те далекие времена уже действовал институт добровольного примирения. Он позволял приостановить кровную месть со стороны близких потерпевшего лица в отношении представителя виновной стороны и членов его семьи. Механизм добровольного примирения базировался на основе принципа компенсации причиненного ущерба виновной стороной. При добровольном примирении уплачивался выкуп по взаимному согласию потерпевшего и виновного лица. При этом указанная процедура происходила в присутствии княжеского человека, т. е. представителя государственной власти. Следовательно, талион и самосуд в период раннего средневековья хотя и был юридически ограничен, но имел место в реальной жизни южных славян. Есть основания полагать, что данное явление было характерным не только для Сербии, но и для многих стран средневековой Европы, как исконно славянских, так и западно-европейских. Например, ст. 1 Краткой и Пространной редакции «Русской Правды» регламентировала порядок применения кровной мести и альтернативной ей формы примирения между враждующими сторонами на условии материальной компенсации причиненного морального и материального ущерба виновной стороной. В соответствии с указанной статьей Краткой редакции «Русской Правды» платеж родственникам убитого в случае их отказа от мести (головничество) составлял 40 гривен серебром [2, с. 47]. При этом штраф (вира) в пользу князя составляет в «Русской Правде» также сумму в 40 гривен [2, с. 47, 64].

В правовых нормах Пространной редакции «Русской Правды» мы уже наблюдаем факт социальной дифференциации: в средневековом русском обществе XII–XIII вв. наряду с традиционной 40-гривенной вирой вводится двойная вира – 80 гривен за убийство представителя господствующего класса [2, с. 64].

Убийство в средневековой Чехии, как и в других славянских странах изучаемого периода, долгое время не влекло государст-

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

венного вмешательства, ибо разрешение возникшего конфликта было частным делом родственников убитого. На это нам указывает даже правовой источник Чехии второй половины XIV в. – ст. 2 «Ряда земского права». Конфликт разрешался посредством кровной мести, которая, по существу, была узаконена в ст. 18, 25, 27 и 32 вышеуказанного правового источника. Названные статьи регламентируют порядок вооруженного поединка истца, т. е. родственника потерпевшего, с ответчиком (убийцей). При этом существовала возможность за убийство родственника или зависимого человека (раба, крепостного крестьянина) просить князя или его сановников о возбуждении дела в дворском или градском суде. Итогом данной тяжбы могло быть присуждение стороне потерпевшего выплаты компенсации «за голову», а также соответствующих выплат ответчиком в пользу урядников.

Для средневековой Чехии был характерен еще один путь мирного окончания конфликта, способного вызвать кровную месть. Мирному разрешению конфликта способствовало использование одного из правовых обычаев так называемой покоры. «Товачевская книга» – источник XV в. – сообщает нам о поворе следующее: виновный босиком шел на могилу убитого, ложился на ней крестом, а один из ближайших родственников убитого, опуская ему меч между лопатками, спрашивал при этом: так ли я властен над твоей жизнью, как ты был властен над жизнью моего брата? На это убийца должен был ответить – «да, но прошу тебя оживи меня». «Оживляю тебя для господа Бога», – говорил тогда принимавший повору, и тем дело кончалось [3, с. 171–178].

Естественно, что обряду покоры предшествовал договор об уплате «цены родства», при этом определение ее размеров оставалось делом сторон, участвовавших в договорном процессе [4, с. 55]. Деньги, полученные за убитого, шли не в пользу государства, а ближайшим родственникам пострадавшего лица.

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

Покора использовалась только по отношению к представителям господствующего класса и являлась феодальной привилегией в процессуальном праве.

Польское право, так же как и раннесредневековое сербское, русское и чешское право, длительное время в качестве основного вида наказания за преступления против личности использовало институт кровной мести, когда убийца выдавался родственникам потерпевшего с головой на жизнь и на смерть (*glowszczyzna*). В XIV в. положение изменилось. Согласно ст. 111 «Полного свода статутов Казимира III» кровная месть в Польше была запрещена [5, с. 127]. На основании данного постановления право родственников убитого на личность убийцы заменяется правом на его имущество. При этом первоначально это право выступает как чисто гражданский иск, по которому выкупная плата за убитого шла исключительно в пользу родственников пострадавшего. Однако уже в рассматриваемый период, наряду с вознаграждением за голову убитого, взыскивавшимся в пользу его ближайших родственников, назначался также и штраф, который шел в королевскую казну [5, с. 93].

Германское средневековое право также длительное время использовало институт вергельда при решении дел об убийствах, хотя в источнике германского права XIII в. – «Саксонском зеркале» принцип возмещения вреда претерпел уже значительные изменения. Его применение ограничивалось согласно ст. 14 Книги II «Земского права» случаями неумышленного убийства и убийства в условиях необходимой обороны [6, с. 55]. В названных случаях дело, как правило, ограничивалось добровольными соглашениями о возмещении ущерба. Это свидетельствует в пользу того, что и в «Саксонском зеркале» еще сохранялся частноправовой принцип преследования за правонарушения. Обвинение носило почти исключительно частный характер, действовало старое правило: «Где нет жалобщика [истца] – там нет судьи», а наказание в ряде случаев можно было заменить выкупом [6, с. 33,

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

45]. Только в одном случае установлено участие официального обвинения: в суде географа сельский староста в соответствии со ст. 2 Книги I «Земского права» обязан был обвинять человека, пойманного на месте совершенного преступления или нанесшего кому-либо телесное повреждение, даже если жалоба в суде потерпевшим еще не была заявлена [6, с. 16–17].

О механизме добровольного примирения на основе принципа компенсации причиненного ущерба виновной стороной мы находим сведения и в источниках права средневековых Скандинавских стран. Так, ст. 9 из раздела VIII «Ландслага короля Магнуса Эрикссона» – источника шведского права 1347 г. – гласит: «Если будет нарушена неприкосновенность жилища ландбу или [того, кто] снял дом или получил его бесплатно (здесь речь идет о “жильцах”, т. е. безземельных людях, арендовавших дома, но не имевших, в отличие от ландбу, пахотного надела. – *Прим. В. Е.*), и если он или какой-нибудь его слуга получит легкие раны, или телесные повреждения, или тяжелые раны, или будет убит, тогда он имеет право как на часть конфискованного у преступника имущества, так и на штраф за нанесенные увечья и имеет право просить короля о помиловании преступника» [7, с. 197]. Даже на юге средневековой Франции в Провансе, где законодательство базировалось на основе норм римского права, статуты городов Арля, Марселя, Ниццы и Авиньона в XIII–XIV вв. предусматривали «полнобровное урегулирование» споров между гражданами (*concorditer, amikabiliter, inter cives*) – при незначительном ущемлении их прав (*in levis injuria*). Адаптация к действительности выражалась в признании гражданского самосуда (*sua propria auctoritate*) и в допуске судебного произвола (*ad arbitrium*). Например, в денежных спорах на мелкие суммы, в жалобах на словесные оскорбления (*in verbis illatis*), в конфликтах между близкими родственниками [8, с. 20]. Значит, средневековое французское право также признавало наличие механизма добровольного примирения как юридический акт. Следовательно, механизм доб-

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

ровольного примирения базировался на основе принципа компенсации причиненного ущерба виновной стороной, которой был закреплен в правовых обычаях всех древних народов, проживавших на территории континентальной Европы. Впоследствии эти нормы стали составной частью законодательства средневековых стран континентальной Европы. Они присутствуют даже в источниках права Венгрии, Германии, Польши, Сербии, Франции, Чехии, Русских княжеств, Швеции, которые обрели юридическую силу в XIII–XIV вв. Этот факт в значительной степени ставит под сомнение господствующую в современной историко-правовой литературе точку зрения, что институт кровной мести и добровольного примирения был изжит в странах Европы в период раннего средневековья. Более того – это серьезный довод в пользу признания института кровной мести и добровольного примирения на основе принципа компенсации причиненного ущерба виновной стороной в качестве универсальной нормы для древнего и средневекового права европейских народов. Именно той нормы права, которая способствовала формированию современного правового взгляда на принцип компенсации материального и морального ущерба со стороны виновного лица в правонарушении.

Процессуальные действия во всех странах средневековой Европы обретали юридическую силу вследствие заявления истца в суд или вследствие поимки виновного на месте совершенного преступления и представления его в суд.

Процедура судебного разбирательства в средневековом Сербском государстве называлась «пра», что является производным от слов «прение» и «правда». У сербов и хорватов слова «пра» и «правда» – синонимы. Эти термины также обозначали процедуру ведения гражданского и уголовного процесса. Аналогичная практика была характерна и для судопроизводства средневековой Польши и Великого княжества Литовского, где также не наблюдалось существенного различия между гражданским и уголовным

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

процессом [9, с. 176; 10, с. 82]. Такую же процедуру ведения гражданского и уголовного процесса мы наблюдаем в ст. 66–68 Книги 1 «Земского права» Берлинской рукописи «Саксонского зерцала». «Если кто-либо будет схвачен с поличным на месте преступления, то немедленно, – сказано в § 1 ст. 66 Книги 1 «Земского права», – как только он пойман, он должен быть приведен в суд и жалобщик должен его изобличать сам-сем» [6, с. 46]. Таким образом, судопроизводство в Германии, как и Сербии, Польше, Великом княжестве Литовском и странах центральной и западной Европы, в эпоху раннего и зрелого средневековья не знало деления на гражданский и уголовный процесс. Оба они проводились в одних и тех же судах и по одним и тем же правилам судопроизводства.

Следовательно, в средневековом праве стран континентальной Европы, за исключением Восточноримской империи, Франции и Италии, еще не было выработано той стройной системы классификации деликтов, которая была известна римскому праву. Весьма характерным является тот факт, что слово «преступление» (*verbrechen*) в немецком средневековом праве встречается только с XV в. [6, с. 215].

Наиболее важная стадия в процессе – это система судебных доказательств. Винодольский закон признает в качестве таковых: собственное признание, письменные документы, показания свидетелей, присягу, поличное и улики. Под собственным признанием в рассматриваемый исторический период времени понимается тот факт, что обвиняемый может сам сознаться или отречься.

Собственное признание было важнейшим видом доказательства во всей системе доказательств средневековой Сербии. При этом суд принимал к рассмотрению только добровольно сделанные признания отвечающей в суде стороны. Об этом свидетельствует постановление ст. 10 Закона Винодольского, которое гласит: «Когда разбирается дело по татьбе из мощуны (хлева) или по содержанию хлеба, стоящего на поле в копнах, или по краже сена

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

из стога ночью, по такому преступлению обвиняемый должен присягнуть сам (т. е. подтвердить свои показания)» [1, с. 159]. Любопытно, что данная норма права перекликается с постановлением, изложенным в § 1146 главы 39 «Кутюмов Бовези» – французского судебника, изданного в 1283 г. Наличие близких по своему содержанию правовых норм в законодательстве средневековой Сербии и Франции можно объяснить влиянием римского права на формирование правовых систем этих стран.

В качестве письменного документа, имеющего силу судебного доказательства, в ст. 44 Винодольского закона фигурируют счетные тетради винооторговцев.

В источниках французского средневекового права выше письменного доказательства рассматривалось только личное признание. Так, § 1147 главы 39 «Кутюмов Бовези» гласит: «2-й вид доказательства – письменное доказательство. Если кто-либо дал письменное обязательство, а затем отрицает его, следует при доказательстве прибегнуть к самому обязательству, так как отрицание не является достаточным основанием для обесценивания письменного доказательства» [11, с. 99].

Для сравнения отметим, что аналогичная норма права в рассматриваемый исторический период в Европе была типична еще и для процессуального права Восточноримской империи и княжеств, расположенных на территории современной Беларуси, в судах которых уже в XII–XIII вв. письменные доказательства считались более важными, чем показания свидетелей и присяга субъекта – участника процессуальных действий («рота») [10, с. 84]. Неравноценность доказательств объясняется фактом господства в средневековой Европе формальной теории доказательств. В связи с этим отметим тот факт, что подобные процессуальные нормы в правовых актах как славянских, так и западноевропейских стран появились значительно позже, только в середине XIV в. Следовательно, юридические нормы, изложенные в «Русской Правде», «Польской Правде», правовых актах Чешско-

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

го королевства («Статутах Конрада Оттона», «Книге старого пана из Рожмберка» или «Рожмберской книге») и памятнике германского средневекового права – «Саксонском зеркале», не признавали еще за письменными документами силы самостоятельного судебного доказательства. В качестве доказательств официальные и некоторые частные документы начали приниматься в судах большинства стран Европы с середины XIV в., о чем свидетельствует источник польского права – ст. 34 Вислицкого статута (1347 г.), которая гласит, что мещанин, обратившийся в суд с иском против шляхтича о взыскании с последнего денежного долга, кроме предъявления долговой расписки, обязан был еще с помощью свидетелей доказать, что это денежное обязательство было заключено между ними [12, с. 178]. О данном положении вещей свидетельствуют также и нормы шведского источника права, которые изложены в ст. 17 и 20 раздела IV «Ландслага короля Магнуса Эрикссона» (1347 г.) [7, с. 194].

В русском праве данную юридическую норму мы впервые встречаем в ст. 10 «Псковской Судной грамоты», которая датируется не ранее 1397 г. Постановление указанной статьи гласит: «О лешеи земли будет суд, а положат грамоты и двои на одну землю, а зайдут грамоты за грамоты, а исца оба возмут межников, да оба изведутца по своим грамотам, да пред господою ставши межником межничество сымут оно им присужати поле» [2, с. 332]. Статья говорит о порядке разрешения имущественных споров и приобретении прав собственности на лесные участки. Статья 10 «Псковской Судной грамоты» предлагает разрешать спор на основании изучения письменных документов, т. е. грамот на землю, которые представляются спорящими сторонами. При невозможности решить спор на основе письменных документов ввиду того, что обе стороны представили одинаково веские документы по своей форме и содержанию, законодатель предусмотрел окончательное решение правового спора сторон при помощи поединка.

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

Следовательно, ст. 10 «Псковской Судной грамоты» свидетельствует о наступлении новой стадии в развитии средневекового русского процессуального права.

Присяга («рота») – как средство доказательства также широко использовалась в ходе судебных разбирательств у южных славян. Например, «рота» упоминается в ст. 7, 9, 44, 56, 64, 69 Винодольского закона. К «роте» прибегали на суде, когда не было свидетелей. «Рота» приносилась на святом Евангелие путем его касания [1, с. 163].

Поличное и улики всегда являлись вещественными доказательствами для судебного разбирательства. Однако некоторые улики требовали подтверждения по средствам свидетельских показаний или присяги. Например, если кто покажет свою кровь, которая причинена ему со злым намерением, кровь считается доказательством. Однако в соответствии со ст. 44 Винодольского закона окровавленный пострадавший должен был «ротой» подтвердить, если он не мог представить свидетелей совершенного преступления [1, с. 163].

Улики предъявлялись в суд не позже трех дней после их обнаружения. Так, ст. 41 Винодольского закона гласит: «Люди присяжные, чтобы доказать виновность обвиняемых, не должны считаться достоверными иначе, как если каждый раз возьмут какой-нибудь знак (признак) с того, кто совершил проступок: с этим знаком присяжный должен явиться в суд в течение трех дней и представить его» [1, с. 163].

Аналогичное явление мы можем наблюдать и в ходе судебного разбирательства в других странах континентальной Европы. Особенно это было характерно при рассмотрении уголовных дел. Так, согласно нормам средневекового польского права, изложенным в ст. 23 Вислицкого статута, суд при рассмотрении уголовных дел в качестве доказательств принимал результаты осмотра судебным исполнителем места совершения преступления и тела убитого либо ран лица, получившего увечье. При этом закон пре-

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

дусматривал материальное вознаграждение судебному исполнителю, проводившему осмотр места преступления, от заявителя в сумме одного гроша [12, с. 176]. О результатах своего осмотра, согласно постановлению ст. 111 «Полного свода статутів Казимира III», судебный исполнитель представлял в суд специальное донесение, которому придавалась сила доказательства по данному делу [5, с. 127].

Подобным образом регламентировался вопрос об уликах в источниках средневекового процессуального права Чехии.

На это нам указывает ст. 1 «Ряда земского права» («*Rád prává zemského*») – источника права Чехии второй половины XIV в. Так, ст. 1 указанного правового акта гласит: «Если бы кто хотел за убийство брата своего или другого родственника вызвать кого-либо в земский суд, то должен соблюдать такой же порядок: во-первых, он должен запомнить день, когда убит его родственник, и, придя к должностным лицам Пражским, то есть к высшему коморнику и другим должностным лицам, которых он может найти в течение 2 недель со дня убийства того родственника, должен заявить им и бургграфу Пражскому, говоря так: “Паны, соблаговолите выслушать, заявляю Вашей милости, что родственник мой такой-то (именуя его и указав, откуда он) убит на мирной дороге таким-то человеком (именуя того, кто убил, и указывая, откуда он); заявляю вам об убийстве и прошу, дайте мне коморника, чтобы это убийство (он) расследовал”» [13, с. 96–97]. Причем истец должен был показать коморнику убитого и раны его, и окровавленную одежду, в которой тот был убит. Всю эту одежду коморник должен был взять себе и сохранить для предъявления в суде как вещественное доказательство. Далее: «Если тот, кто вызывает в суд, хочет обеспечить жалобу, – гласит ст. 1 «Ряда земского права», – то пусть приведет того коморника к должностным лицам (урядникам), чтобы доложил им то, что он видел, и чтобы показал окровавленную одежду. И все это в земские доски (регистрационные книги) пусть велит записать и имя

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

того коморника, который расследовал дело, пусть велит обозначить» [13, с. 97].

При предъявлении в средневековый чешский суд иска об изнасиловании пострадавшая девушка или женщина в соответствии с обычаем должна была принести жалобу на своего обидчика в минимальный срок в разорванном платье на королевский двор, где должна была присягнуть, что преступник совершил над ней насилие. Эта процедура становилась основанием ареста подозреваемого с последующим рассмотрением дела в королевском суде [11, с. 98].

Данного вида доказательства играли важную роль уже в XII–XIII вв. при рассмотрении гражданских и уголовных дел в судах средневековых русских княжеств и Великого княжества Литовского. На этот факт указывает Ю. П. Довнар в своей диссертации «Судовая рѣформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім» [10, с. 84]. Об этом свидетельствуют и источники средневекового русского права. Например, ст. 60 «Псковской Судной грамоты» предлагает не доверять показаниям вора. Однако обыск у человека, на которого «тать возклеплет», производился. В случае обнаружения у него краденой вещи, т. е. «полишного», этот человек признавался вором, если же ничего не находили, то его объявляли свободным от подозрения [2, с. 337].

Средневековый источник германского права – «Саксонское зеркало» относит поимку с поличным к числу бесспорных доказательств. Так, убийство доказывалось предъявлением трупа (ст. 69 Книги I «Земского права») [6, с. 47], раны пострадавшего лица демонстрировались в суде (§ 2 ст. 68 Книги I «Земского права») [6, с. 46], забой скота – предъявлением шкуры суду (§ 3 ст. 10 Книги III «Земского права») [6, с. 84], владение движимой вещью – предъявлением ее в натуре (§ 6 ст. 13 Книги II «Земского права») [6, с. 55]. В отдельных случаях в порядке обеспечения доказательств можно было засвидетельствовать факт перед очевидцами, которые впоследствии могли стать свидетелями.

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

Наиболее сложной и разработанной частью судебных доказательств считались показания свидетелей и связанный с ними институт поротников. Наиболее полную силу доказательства имели свидетельские показания. Данная норма права детально разработана в ст. 22 Винодольского закона, который гласит: «Если кто явится во дворец с доносом о случившемся преступлении, он должен представить свидетелей и доказать, что действительно так» [1, с. 160].

Винодольский закон требовал от свидетеля прежде всего наличия безупречной репутации, позволяющей доверять ему. Он должен быть «добрым» мужем или «доброй» женой. В соответствии со ст. 52 Винодольского закона свидетель, оказавшийся недобросовестным, штрафуется в пользу князя 8 либрами денег или одним волом и впредь лишается права быть свидетелем без особого на то разрешения суда. Для того чтобы доказать недобросовестность свидетеля, нужны показания трех лиц, заслуживающих доверия [1, с. 164].

Закон запрещал свидетельствовать на суде женам как истцов, так и ответчиков. Статья 20 Винодольского закона гласит: «Никто не может брать себе в свидетели свою жену, ни по какому предмету она не считается свидетелем достоверным» [1, с. 160]. Также не могли давать свидетельских показаний отец о сыне, сын об отце и дочь об отце. Брат же для сестры и сестра для брата могли быть свидетелями, но только в том случае, если они живут отдельно и самостоятельно ведут свое хозяйство. Так, ст. 67 Винодольского закона гласит: «Отец о сыне, сын об отце и дочь об отце не могут быть свидетелями, брат же для сестры и сестра для брата могут быть, если живут отдельно, каждый по себе» [1, с. 167]. Иными словами, ближние родственники, члены одной семьи не могли свидетельствовать на суде друг за друга до раздела семьи на части, до выхода из семьи сыновей и дочерей, которые создали свои собственные семьи.

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

И в других странах средневековой континентальной Европы свидетельские показания играли значимую роль при разрешении не только уголовных, но и гражданских дел в суде. В пользу нашего довода свидетельствует ст. 31 Пространной редакции «Русской Правды», где речь идет о нанесении телесных повреждений. Данная статья требует для установления вины обидчика показаний двух свидетелей («видаков»), которые должны принести присягу о верности своих показаний [2, с. 66]. В источнике средневекового германского права – «Саксонском зеркале» свидетельские показания играли большую роль в разрешении не только уголовных, но и гражданских дел. Об этом свидетельствует постановление § 6 ст. 62 Книги I «Земского права», где речь идет о свидетелях, чьи показания должны стать решающими в вопросе определения права на земельную собственность [6, с. 42]. При возникновении споров хозяйственного характера средневековое германское право все чаще прибегало к свидетельским показаниям. Например, если чиншевик утверждал, что чинш уже уплатил, то доказать факт уплаты он мог только сам – третий из числа тех, которые видели и слышали, что он действительно уплатил [6, с. 39]. Выделенную из урожая десятину, которую господин вовремя не принял, согласно § 7 ст. 48 Книги II «Земского права», нужно было для обеспечения доказательства предъявить двум свидетелям [6, с. 70]. Следовательно, в данном случае нельзя было ограничиться просто присягой, даже совместно с соприсяжниками, а требовались подлинники свидетели.

В странах континентальной Европы, как и средневековой Сербии, в отношении свидетельских показаний закон особо подчеркивал, что они должны даваться людьми добросовестными (*probi*) и способными (*idonei*) к даче показаний. Каждое свидетельское показание приобретало силу доказательства лишь в том случае, если оно подтверждалось присягой на кресте. При этом отлученный от церкви не мог выступать на суде в качестве свидетеля.

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

Вместе с тем следует отметить, что, в отличие от процессуального права средневековой Сербии и Хорватии, законодательство большинства стран Центральной и Западной Европы не запрещало свидетельствовать в суде родственникам тяжущихся сторон. Типичным примером решения данного вопроса является норма, изложенная в источнике средневекового права Польши – «Вислицком статуте». Так, ст. 13, 14, 20 и 60 указанного источника гласят, что если в качестве свидетелей выставлялись родственники (*consanguinitas*), то противная сторона могла дать им отвод, т. е. потребовать исключения их из числа свидетелей. Однако этот отвод должен был быть заявлен в то время, когда имена указанных свидетелей объявлялись чиновником в суде; позднее, в частности во время принесения свидетелями присяги, заявленный отвод оставался судьей без удовлетворения [12, с. 175–176, 181].

В Винодольском законе, как и в более древние времена, сохраняет свою силу институт поротников, который соответствует послухам в «Русской Правде». Поротниками назывались люди, своей присягой удостоверявшие доброе имя лица, за которого они поручались. Чем большее обвинение предъявлялось обвиняемому, тем больше поротников он должен был выставить за себя, чтобы оправдаться.

В случае обвинения в убийстве обвиняемый должен был представить суду свидетелей, которые могли доказать его невиновность; если таких свидетелей он назвать не мог, тогда ему следовало апеллировать к институту поротников. Так, ст. 68 Винодольского закона гласит: «Относительно убийства, где нет свидетелей, обвиняемый должен очистить себя сам – 50, найдя себе соприсяжников, как лучше знает и может» [1, с. 167]. Из чего следует, что если обвиненное лицо не имеет полного числа поротников, то пусть сам присягнет столько же раз вместо тех, которых недостает ему.

По обвинению в разбое обвиняемый для своего очищения должен был присягать «сам – 25», т. е. должен был сам присяг-

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

нуть 25 раз. Об этом гласит ст. 9 Винодольского закона буквально следующее: «Если перед двором (в княжеском дворце. – *Прим. В. Е.*) будет разбираться дело по насилию или по татьбе какой-либо вещи, истец же не имеет доказательства против виновного, и дозволится (ему, т. е. виновному) присяга; в таком случае виновный должен присягнуть по разбою (грабежу) сам – 25 <...> если (истец) потерпел “шкоду” (вред) в той татьбе и если был там крик о помощи» [1, с. 159].

Если дело идет об изнасиловании, пострадавшая, если у нее нет свидетелей и она заслуживает доверия, должна присягнуть «сама – 25», кладя руку на Евангелие. Поротников она должна найти сама из тех, кого лучше знает. Статья 56 Винодольского закона гласит: «...Если у нее соприсяжных вовсе нет или же она не в состоянии иметь их столько же, в таком случае эта женщина сама должна присягнуть вместо тех, которых ей недостает <...> Все соприсяжные ее должны быть женщины» [1, с. 165].

Обвиняемый в татьбе должен присягнуть «сам – 12» в соответствии со ст. 9 Винодольского закона, а обвиняемый в краже из «мошуны» (хлева) или в сожжении хлеба, стоящего в поле, или в краже сена из стога ночью должен присягнуть, на основании ст. 10 вышеуказанного закона, «сам – 6» [1, с. 159]. Итак, по нисходящей линии обвиняемое лицо должно было присягать от «сам – 50» до «сам – 6».

Аналогичная трактовка института присяги находит свое отражение и в более позднем памятнике сербского средневекового права – в «Законнике Стефана Душана» 1349 г. Например, в ст. 146 Быстричского списка «О пороте» «Законника Стефана Душана» говорится, что по большим делам должно быть 24 поротника, по менее значительным – 12, а по мелким делам – всего 6.

Если поротники принесли ложную клятву, то они наказывались 1000 перперов штрафа, лишались права быть поротниками в будущем [19, с. 208].

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

Если мы сравним институт поротничества с аналогичными институтами других народов, то увидим, что в ст. 18 Пространной редакции «Русской Правды» фигурирует определенное число послухов – 7 или 2 [2, с. 65].

Источник средневекового чешского права «Ряд земского права» требовал от истца представить на суд 9 послухов. Двоим из них ответчик мог дать отвод. При этом он сам должен был выставить семь своих свидетелей [14, с. 346–347]. Согласно титулу XLII § 5 «Lex Salica» при обвинении в нападении на чужую виллу и ее ограблении обвиняемый очищался при помощи 25 соприсяжников. При поджоге требовалось 20 соприсяжников [15, с. 43]. Памятник средневекового германского права «Саксонское зеркало» также нередко апеллировал к институту присяги. Так, в соответствии с юридической нормой, изложенной в § 2 ст. 18 Книги 1 «Земского права», присяга освобождала от любого обязательства, если это обязательство было дано без судебного засвидетельствования [6, с. 24–25]. Феодал своей присягой мог снять любое обвинение со своего человека. Согласно норме, изложенной в § 3 ст. 32 Книги III «Земского права», присяги господина, принесенной совместно с двумя его людьми, было достаточно для доказательства, что тот или иной крестьянин является его крепостным по рождению [6, с. 90]. Данный пример убедительно свидетельствует о классовом характере института присяги как способа доказательства в феодальном суде. Средневековое германское процессуальное право, как и право других стран континентальной Европы, во многих случаях требовало от истца и ответчика принесения не единоличной присяги, а совместно с соприсяжниками – двумя (сам – третий), шестью (сам – седьмой) и т. д. В ленном суде, где участвовали только высшие сословия, соприсяжные не требовались.

Это позволяет нам считать, что в Винодольском законе указано требование о представлении перед судом максимального количества поротников. При этом не следует забывать, что в отли-

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

чие от эпохи родового строя, когда родственники выступали на защиту члена своего рода, поротники и послухи в период раннего средневековья уже не являлись родственниками. Они были людьми посторонними, которых следовало еще найти. Родственники в соответствии со ст. 67 Винодольского закона не могли свидетельствовать на суде в пользу своих близких. Данный факт позволяет нам всесторонне оценить актуальность и значимость института поротников и присяги с позиции обвиняемого лица, которое являлось субъектом раннесредневекового права.

Значительный для нас интерес представляет ст. 69 Винодольского закона, которая дает важные подробности о присяге сторон и поротников. Оказывается, что присяга происходила в торжественной обстановке, публично и в многолюдном месте. В соответствии с процедурой присяги сторон и поротников стороны могли примириться или одна из сторон могла даже откупиться до проведения «роты». Следовательно, при примирении обвиняемый выплачивал пострадавшей стороне известную сумму денег.

На суде в качестве представителя власти присутствовал пристав. Пристав – официальное лицо. Согласно ст. 50 Винодольского закона сторона, нуждающаяся в его услугах, должна «брать его от двора и с его позволения» [1, с. 164]. Государственная власть, от имени которой пристав участвует в суде, берет на себя ответственность за добросовестность пристава и строго карает пристава за нарушение его служебного долга. Из статьи 65 Винодольского закона следует, что пристав честен, но он может и согрешить. Если пристав оказался недобросовестным, он отвечает перед государем (князем) всем своим движимым и недвижимым имуществом и лишается права быть приставом до особого разрешения правительства. Сторона, против которой пристав выступал ложно, оправдывается. Об этом недвусмысленно говорится в ст. 51 Винодольского закона: «Если пристав оказался человеком лживым, да отвечает он перед князем всем своим движимым и недвижимым имуществом».

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

Если кто-нибудь обвинит его во лжи перед двором или где-нибудь иначе, а сам не будет в состоянии доказать это, то подлежит наказанию в 40 сольдинов пени для князя, приставу же достается один вол или 8 либр. Но если пристав окажется виноватым, он отвечает вышеупомянутой пеней и не может быть более приставом; сторона, против которой он говорил ложно, если должна была подвергнуться в чем-либо наказанию, да будет свободна или оправдана по тому делу, по которому состоялась тяжба. Однако же, чтобы доказать, что пристав лжет, для этого нужно три достоверных свидетеля» [1, с. 164]. Наказание суровое, но совершенное приставом преступление следовало еще доказать. Согласно вышепротитированной ст. 51 Винодольского закона недоказанное обвинение в адрес пристава каралось штрафом в пользу князя в 40 сольдинов и в пользу пристава в 8 либр, которые были равнозначны по стоимости одному волу.

Итак, пристав – служащий суда. «Дать пристава» – это значит начать предварительную судебную процедуру. Должность пристава упоминается уже в грамотах южнославянских государств (Сербии и Хорватии) XI–XII вв. [16, с. 100]. Пристав выполнял полицейские функции. Он следил за порядком в ходе судебного разбирательства, исполнял мероприятия розыскного характера и реализовывал на практике решения суда.

За свою службу пристав получал материальное вознаграждение. В соответствии со ст. 48 Винодольского закона вознаграждение пристава не должно превышать 20 сольдинов от самой большой «пре». Большая «пре» – касалась предметов, стоимость которых превышала 40 сольдинов, меньшая – по своему характеру, не превышающая стоимость в 40 сольдинов. В последнем случае вознаграждение от реализации иска позволяло приставу заработать 5 сольдинов [1, с. 164].

От государства пристав, по-видимому, не получал ничего. В законе имеются указания на то, что от участия в суде, равно как и в досудебных действиях, пристав получает некоторое вознаграж-

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

дение от истца. Например, согласно ст. 50 Винодольского закона, если пристав разыскивает украденные вещи, то размеры его гонорара зависят от стоимости разыскиваемой вещи. Если вещь стоит 40 сольдинов, пристав за ее находку получит 5 сольдинов, если вещь стоит меньше 40 сольдинов, приставу полагается всего 2 сольдина [1, с. 164].

Например, в средневековой Германии, как и Сербии, служащие суда, т. е. судебные исполнители и приставы, должны были обладать не только безупречной репутацией, но и соответствовать определенному имущественному цензу. Так, судебный исполнитель, в соответствии с правовым обычаем средневековой Германии, должен был владеть земельным участком размером не менее трех гуф, т. е. огороженным участком земли размером не менее 1 га [6, с. 210].

Помощники судей средневековой Франции (XIII–XIV вв.) – судебные исполнители, смотрители, охранники, посыльные-курьеры избирались из числа *probi homines* с хорошей репутацией (*bona fama, sapientes*), и в качестве главной функции на них возлагалось наблюдение за порядком и заявление о беспорядке в курию (*observare et manifestare curie*). При необходимости предполагалось использование экспертов, арбитров и агентов (*denonciatore*) с оплатой их услуг из казны или «штрафной доли». Но строго запрещалось использовать «службу ради дружбы», родства и подарков. Многократно и подробно перечислялись все возможные виды злоупотреблений, злодеяний и судебных ошибок, которые квалифицировались как *delicta, magna culpa*. Самыми злостными нарушениями прав человека в суде признавались разные махинации и фальсификации при оформлении судебных бумаг, бестолковые действия судебных помощников, но самыми опасными для граждан признавались разные виды сговора и сотрудничества между судьями, адвокатами и прочими должностными лицами судебной курии [8, с. 22].

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

Сопоставление юридических источников средневековой Сербии и Хорватии с аналогичными документами стран континентальной Европы позволяет сделать вывод, что кадровый принцип комплектования судебных инстанций в странах средневековой Европы по своему характеру являлся классовым. Этот факт и обусловил отсутствие существенных отличий в принципах комплектования служащих первичных судебных инстанций в странах континентальной Европы.

Анализ норм и институтов Винодольского закона позволяет сделать вывод, что талион и самосуд в период раннего средневековья хотя и были существенно ограничены, но не изжиты из практики. Данное положение вещей является закономерным, так как окончательное утверждение государственного правосудия неразрывно связано с утверждением феодальных отношений в стране. Процессуальное право средневековой Сербии, как и других государств южных славян, формировалось как составная часть надстройки, которая соответствовала процессу становления феодального базиса в стране. Например, в «Законе Судном людем» говорится только о князе и судье как о лицах, осуществлявших правосудие. «В любом споре, тяжбе и обвинении, – гласит ст. 2 «Закона Судного людем», – князь и судья не должны судить без свидетелей...» [17, с. 89]. В статье 3 Винодольского закона, как и в «Законе Судном людем», князь и епископ наделены функциями судебной власти. Кроме того, правосудие от лица государя осуществляли судьи, одна часть из которых выбиралась населением общин, а другая назначалась лично князем. Мы разделяем точку зрения академика Б. Д. Грекова, высказанную им в работе «Винодольский статут об общественном и политическом строе Винодола», что «соотношение между княжеским судом и судом общины не носит характера противопоставления двух принципов: суд общины выполняет ту же функцию, что и суд князя, и под контролем князя» [16, с. 90]. Об этом нам свидетельствует ст. 40 Винодольского закона, которая гласит: «Ни одно

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

оправдание или приговор к пене не может быть вынесен без ведома князя или того человека, которого князь назначил для исполнения этого дела» [1, с. 163]. Все важнейшие преступления (измена, поджог, изготовление ядов и отравление, разбой) в соответствии со ст. 9, 68 и 70 Винодольского закона были подсудны суду князя, т. е. государственному суду. Все государевы служилые люди подлежали только суду князя. Покушение на убийство княжеских людей и членовредительство их каралось пеней по усмотрению князя. Так, ст. 29 Винодольского закона гласит следующее: «Если бы кто убил кого-нибудь из числа подкнежинов или слуг домашних, принадлежащих княжескому двору, из праманов, и убежал бы так, что нельзя было бы поймать его, князь имеет право взять вражду, т. е. пенью деньгами какими и сколько ему угодно, с родственников (рода) убийцы, в размере половины, потому что род не обязан вносить более чем половину, сам же злодей – другую половину.

Если же поймают убийцу, ему может мстить князь или кто-нибудь другой (кому князь это право предоставил) таким наказанием, какое будет ему угодно, но род его (убийцы) не осуждается ни на какую пенью» [1, с. 161].

О других судебных органах в изученных источниках права южных славян периода раннего средневековья нет упоминаний.

Совсем иную картину дает нам «Законник Стефана Душана», относящийся к периоду расцвета феодальных отношений в Сербии. Нормы Законника свидетельствуют, что полномочия судебной власти в рассматриваемый период были достаточно обширными. Суд государя (читать как судья королевского, т. е. государственного суда. – *Прим. В. Е.*) в соответствии со ст. 177 «О судьях» «Законника Стефана Душана» был компетентен рассматривать дела, где в роли ответчиков и истцов выступали все подданные короны, начиная от зависимых крестьян (меропхов) и кончая высшими должностными лицами государства. Окружной судья королевского суда в средневековой Сербии был вправе рас-

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

смаatrивать дела даже в отношении высших королевских сановников. Статья 177 Законника гласит: «О судье, который находится при дворе моего царского величества. Если совершится преступление (при дворе), пусть судится им; если же случайно явятся тяжущиеся ко двору моего царского величества, да рассудит их придворный судья, но никто да не вызывается на двор моего царского величества помимо окружных судей, которых поставило мое царское величество, но да идет всякий к своему (окружному) судье» [18, с. 103].

Содержание ст. 79 и 163 «Законника Стефана Душана» позволяет говорить о том, что сербский средневековый процесс был состязательным. «На суде, – гласит ст. 163 “О поротниках”, – когда судятся и тяжутся две стороны о своей тяжбе. Да не волен ответчик за то, что его обвиняет противник, говорить на своего истца наговорные речи, (уличая его) в измене или в ином каком деле, но только да отвечает ему...» [18, с. 95].

В Сербском средневековом праве сторонами судебного процесса были истец и ответчик. Рассмотрение дела в суде велось в присутствии свидетелей либо с учетом использования вещественных доказательств. При этом свидетельским показаниям отдавалось предпочтение.

Развитие судебного процесса в средневековой Сербии привело к созданию института представительства в суде. Например, в ст. 57 «Законника Стефана Душана» допускается представительство в отношении брата, который живет в одной и той же задруге. При этом постановление ст. 57 Хиландарского списка «О судебной тяжбе» Законника гласит: «Братья, которые живут вместе в одном доме. Если кто позовет их на дому, то кто из них придет, тот пусть и отвечает. Если же найдет его на царском дворе или судейском, да придет он и скажет: “Я представляю на суд старшего брата”, то пусть представляет, и да не принуждают его отвечать» [19, с. 88]. Статья 72 «Законника Стефана Душана» пре-

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

дусматривает возможность назначения процессуального представителя вдовы, который защищал бы ее интересы в суде.

В рассматриваемый исторический период институт представительства в суде был закреплен в праве всех стран континентальной Европы. Например, в соответствии со ст. 9 и 10 «Полного свода статутов Казимира III» истец и ответчик могли поручить ведение дела в суде третьим лицам – уполномоченным или поверенным, называемым в источниках прокураторами (*procuratores*) и адвокатами (*advocatos*). Согласно ст. 10 «Полного свода статутов Казимира III» такое право сторон определялось тем, что возбуждение дела и его ведение требовали определенного умения и знания, а поэтому в целях наилучшей защиты своих интересов тяжущейся стороне предоставлялось право иметь квалифицированного защитника [5, с. 54].

Прокуратор (адвокат), который брал на себя обязанность представления в суде интересов истца или ответчика, назначался судом по просьбе стороны; последняя для решения этого вопроса должна была специально прийти в суд еще до слушания дела. Исключение из этого правила делалось, как указывает ст. 30 Вислицкого статута, для женщин «благородного» происхождения, к которым судья посылал чиновника на дом для решения вопроса о защитнике [12, с. 177].

Институт представительства в XIII–XIV вв. являлся составным, общепризнанным элементом судопроизводства средневековой Франции. В пользу этого свидетельствуют нормы, закрепленные в средневековых статутах городов Арля, Марсея, Ниццы и Авиньона, где детально регламентировался правовой статус адвокатов [8, с. 22].

Деятельность представителей истца и ответчика в германском средневековом суде регламентировалась в соответствии со ст. 60 и 61 Книги I «Земского права». Так, § 1 ст. 60 указанного правового акта гласит: «Без представителя (адвоката) человек может искать и отвечать, если он хочет рисковать нести ущерб, который

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

может произойти от того, что он оговорится и не сможет уже это исправить, как это возможно при наличии представителя, если он какое-либо слово не подтвердил» [6, с. 41]. Сторона в средневековом процессе могла не подтвердить какое-либо действие или заявление своего представителя без юридических последствий для себя.

С развитием средневекового сербского судебного процесса изменилось не только понятие «сторона», но претерпел изменения и порядок вызова сторон в суд. Обеспечение явки сторон в суд в период раннего средневековья возлагалось на заинтересованную сторону процесса. В соответствии с нормами «Законника Стефана Душана» вызов тяжущихся сторон в суд начал осуществляться органами государственного правосудия. Статьи 55, 61, 104 «Законника Стефана Душана» позволили установить, что стороны процесса вызывались в суд специальным судебным чиновником-приставом [20, с. 67].

Представители господствующего класса (властели) вызывались повесткой, в которой было указано, для чего они должны явиться в суд; остальные должны были явиться в суд по предъявлению судейской печати. Так, ст. 52 Ходошского списка «Законника Стефана Душана» «О вызове властелей» гласит: «Великий властель да не приглашается на суд без судейской грамоты, а прочим – печать» [19, с. 126]. Эта норма «Законника Стефана Душана» говорит о том, что и в процессуальном праве нашел отражение классовый принцип, так как наблюдался различный подход к сторонам в процессе в зависимости от их общественного положения. Феодалу следовало сообщить содержание обвинения или иска, в связи с которым он вызывался в суд, а в отношении зависимого крестьянства и остальных непривилегированных слоев общества этого не требовалось.

Классовый подход в отношении вызова в суд заключался не только в этом. Властель должен был вызываться в суд в подходящее для него время, чтобы у него была возможность подгото-

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

вить судебную защиту. Для более низких сословий данное требование не соблюдалось, поскольку законодательство средневековой Сербии не содержит правового механизма его реализации. Так, ст. 50 Ходошского списка «Законника Стефана Душана» гласит: «Властель да не призывается (на суд) вечером, разве призывается прежде обеда, и да объявляется ему (о том) предварительно; и кто будет позван с приставом прежде обеда и к обеду не придет, да будет виноват и уплатит властелю 6 волов» [19, с. 126].

Следует отметить, что в законодательстве большинства стран Европы рассматриваемого исторического периода механизм вызова в суд истца и ответчика был более детально регламентирован, чем в сербском праве XIV–XV вв. Например, согласно ст. 4 «Польской правды» – источника польского права XIII в., вызов ответчика в суд производился по поручению судьи коморником, в то время как в XIV в. он уже осуществлялся специальными судебными чиновниками (*officials* или *ministeriales*) [12, с. 175]. Форма вызова ответчика в суд была устной, за исключением тех случаев, когда в качестве ответчиков выступали, как указано в законе, «знатные рыцари», которые извещались о вызове в суд письменно [5, с. 65]. Самовольный вызов, без просьбы об этом истца, кого-либо в суд судьей или подчиненным ему чиновником был запрещен законом под угрозой наказания [5, с. 65–66]. Ответчику, вызываемому по просьбе истца в суд, в соответствии со ст. 15, 22 и 26 «Полного свода статутах Казимира III», обязательно сообщалось: по требованию кого этот вызов совершается и по какому делу, кто конкретно вызывается, срок явки и местонахождение суда, в который ответчик должен явиться, и, наконец, от кого исходило распоряжение о его вызове [5, с. 59–60, 66, 72].

Статья 5 Вислицкого статута предусматривала, что вызов ответчика в суд должен был производиться за три недели до рассмотрения дела. Этот трехнедельный срок давался ответчику для подготовки к делу, по которому он вызывался. При этом судьям

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

было запрещено назначать более длительный срок, независимо от сложности дела, даже если бы спор шел о вотчине [12, с. 173].

В то же время, как указано в ст. 16 «Полного свода статутах Казимира III», в случаях, когда спор шел о долге менее 40 гривен или о словесном оскорблении, судья мог назначить сторонам срок явки в суд «завтрашний день» [5, с. 60].

Истец и ответчик обязаны были явиться в суд в назначенный судьей срок. Если же одна из сторон в силу уважительных причин не могла явиться в суд, то она должна была своевременно, через своего посланца (*nuncius*) известить об этом судью и просить его об отсрочке слушания дела. В качестве уважительных причин, по которым могла быть оправдана неявка истца или ответчика в суд, закон предусматривал вызов по делам королевской службы, болезнь, наводнение и содержание под стражей [5, с. 72, 172]. В этих случаях судья обязан был перенести слушание дела на новый срок.

По Вислицкому статуту за неявку в суд в назначенный срок без уважительной причины ответчик приговаривался к конфискации у него одного или двух волов. К такому же наказанию ответчик приговаривался и за вторичную неявку в суд. Согласно ст. 9 Вислицкого статута, в случае неявки ответчика в суд в третий раз он окончательно проигрывал дело в пользу истца [12, с. 174].

Что касается последствий неявки истца в суд, то при наличии на месте ответчика дело решалось в пользу последнего [5, с. 72].

На механизм вызова в суд ответчика и истца в средневековых русских государствах проливают свет ст. 29–32 «Новгородской Судной грамоты» – источника права XIV в. Указанный юридический акт устанавливает, согласно ст. 29, двухмесячный срок при рассмотрении дел, связанных с земельными спорами [2, с. 307]. При нарушении данного срока дело передавалось в высшую судебную инстанцию. В статьях 30–31 «Новгородской Судной грамоты» регламентирован порядок рассмотрения судебных дел в

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

случае, если одна из сторон получила специальную срочную грамоту, дающую право на отсрочку. Дело должно рассматриваться в соответствии с указанным в грамоте сроком даже в случае, если произошла замена судьи. Таким образом, замена судьи была возможна до начала рассмотрения дела по существу.

Неявка одной из сторон в суд не служила основанием для откладывания дела: суд решал дело в пользу явившейся стороны. Если отсрочка была оформлена представителем стороны (ответчиком), а тот умер, то сторона должна была в срок, указанный в срочной грамоте, либо явиться сама, либо выставить своего нового представителя. Указанные статьи подтверждают возможность получения лишь одной отсрочки.

Основным источником процессуального права средневековой Германии было «Саксонское зеркало». Статья 67 Книги I данного источника гласит, что ответчик по уголовному делу должен быть вызван уже на следующее судебное заседание после выдвинутого в его адрес обвинения. Ответчик в деле о тяжком уголовном преступлении вызывался трижды на судебное заседание с интервалом в 14 дней. Трехкратная неявка ответчика в суд по обвинению его в тяжком уголовном преступлении квалифицирует данное лицо, согласно § 2 ст. 67 Книги I «Земского права», как «находящееся под подозрением» [6, с. 46].

Если в отношении лица выдвинут гражданский иск (имущественного характера), то, согласно ст. 70 «Саксонского зеркала», данное лицо в течение 14 дней должно погасить свой долг. Если он не сделает этого, то, согласно § 2 ст. 70 вышеуказанного акта, у него должен быть взят по этому случаю залог, и взятая вещь должна предъявляться жалобщику как обеспечение залога трижды через каждые 14 ночей, если он этого требует. Если же он этого не требует, то все же вещь должна шесть недель сохраняться без использования [нетронутой]... Затем следует для погашения долга взятую вещь заложить или, если это невозможно, продать.

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

Если что останется сверх [долга], то остаток нужно вернуть должнику [6, с. 47–48].

Правосудие средневековой Сербии в отсутствие иных судебных доказательств широко практиковало ордалии (суд божий). Обвиняемого заставляли брать руками раскаленное железо и переносить его на определенное расстояние. Согласно ст. 152 Призренского списка рукописи «Законника Стефана Душана» расстояние совершаемого процессуального действия равнялось расстоянию от церковных ворот до церковного алтаря. «И если кто на суде обвиняет кого в разбое и воровстве, – гласит ст. 152 «О воровстве» Законника, – а не будет улик, да будет им в оправдание железо, как то постановило мое царское величество; да вынут его (железо) у церковных ворот из огня и да (понесут и) положат его на святой алтарь» [18, с. 87]. Если при этом испытании сторона процессуального действия не получила больших ожогов, а полученные вследствие этого раны заживали быстро, то предполагалась ее невиновность.

Проведенный нами анализ основных источников средневекового права стран континентальной Европы позволил сделать вывод, что институт ордалий в праве Германии, Польши, Великого княжества Литовского, Франции, Чехии и Швеции в XIV–XV вв. уже не применялся. Ордалии для законодательства и судебной практики большинства стран Европы превратились в правовой анахронизм. Однако законодательство Болгарии и Сербии регламентировало правоприменение данного института на протяжении всего XIV в., т. е. до турецкого завоевания этих стран. И даже в период турецкого владычества население многих регионов Болгарии и Сербии вплоть до середины XIX в. использовало ордалии в судебной практике. Главным образом – это было испытание водой.

Не вызывает сомнения тот факт, что сербский средневековый процесс по своему характеру был состязательным. Однако процесс, регламентирующий рассмотрение тяжких уголовных пре-

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

ступлений (убийство, разбой, хищения, совершенные группой лиц), был по своему характеру инквизиционным. В центре судебного разбирательства находился установленный виновник совершенного преступления. Об этом свидетельствуют ст. 142–144 Бистричского списка «Законника Стефана Душана». Так, ст. 144 «О разбойнике и воре» Законника гласит: «Указанным образом да будет наказан явный разбойник и вор, и таково (их) уличение: если у них найдется что-либо поличное или если схватят их на разбое или воровстве, то да предадут их или жупе, или селам, или господам, или властелю, который над ними, как написано выше; такие разбойники и воры да не будут помилованы, да будут ослеплены и повешены» [19 с. 208].

Кроме того, для получения приказаний, которые были необходимы для судебного разбирательства, применялись пытки. В средневековой Сербии, как и в других странах Европы этого времени, применение пыток в отношении обвиняемых было делом обычным.

Вынесению решения сербского средневекового суда предшествовали устные объяснения сторон, обосновывавших предмет своего иска и возражений против него. Так, ст. 163 «О поротниках» Призренского списка рукописи «Законника Стефана Душана» гласит: «На суде, когда судятся и тяжутся две стороны о своей тяжбе. Да не волен ответчик за то, что его обвиняет противник, говорить на своего истца наговорные речи, уличая его в измене или в ином деле, но только да отвечает ему...» [18, с. 95].

Статья 165 «О судьях» Призранского списка рукописи «Законника Стефана Душана» указывает на то, что судопроизводство в средневековой Сербии велось в письменной форме, которая предусматривала не только ведение протокола суда, но и выдачу решения суда в письменной форме тяжущимся сторонам.

О форме документа, в которую облекалось судебное решение, у нас нет достоверных данных. Не обладаем мы сведениями и об

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

институте обжалования судебного решения и приговора, которое несомненно допускалось.

Для сравнения отметим, что польский средневековый суд выносил свое решение после выступления сторон и по оценке всех полученных доказательств по рассматриваемому делу, которое было либо благоприятным для истца, т. е. удовлетворяло его исковые требования, либо – в пользу ответчика, т. е. отклонявшее притязания истца и признавшее защиту ответчиком своих прав обоснованной.

Сторона, выигравшая дело, должна была внести в пользу разбивавшего спор судьи соответствующую плату, называемую «подарком на память» (*memoriale, pamiętnie*). В этих случаях закон разрешал судье взимать за разбирательство крупных дел четыре гроша, за рассмотрение мелких дел – два гроша [12, с. 178].

Решение, вынесенное судом первой инстанции, не считалось окончательным. Сторона, недовольная решением суда, имела право апелляции в вышестоящий суд. При этом, согласно ст. 40 и 113 «Полного свода статутах Казимира III», сторона, апеллирующая в вышестоящую судебную инстанцию, должна была это сделать тотчас же после объявления решения судом первой инстанции, иначе право на апелляцию утрачивалось, а решение получало окончательную силу и обжалованию не подлежало [5, с. 82, 128].

При своевременной подаче апелляции сторона, прежде чем быть допущенной к новому разбору дела в другом суде, должна была внести в пользу первого судьи, к правдивости решения которого выразила недоверие, определенное количество звериных шкурок или соответствующую сумму денег (каштеляну краковскому – шкурки горноста, воеводе и каштеляну сандомирскому или люблинскому – ласочьи шкурки, судье краковскому и сандомирскому – куньи шкурки, подсудкам – волчьи шкуры, подкомориям – по шесть гривен и т. д.). Согласно ст. 14 Вислицкого статута вместо куньих шкурок можно было внести в пользу судьи

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

3 гривны [12, с. 175]. Только после внесения указанных шкурки или уплаты денег дело рассматривалось в суде высшей инстанции.

Если судья, решение которого обжаловано, не сможет доказать его обоснованность и правильность, то он обязан был вернуть апеллировавшей стороне шкурки или деньги, которые та внесла, и, кроме того, уплатить пеню «пятнадцать». Если же апелляция оставалась без удовлетворения, то сторона, обжаловавшая решение суда, не только утрачивала внесенные меха или деньги, но и уплачивала еще в пользу судьи штраф «пятнадцать» [5, с. 117].

Согласно ст. 21 «Новгородской Судной грамоты» ход судебного заседания подробно фиксировался в тексте протокола. Судебные дьяки подробно записывали выступления всех участников процесса, те в свою очередь знакомились с содержанием протокола и утверждали его своими подписями и личными печатями. Решение суда излагалось в тексте специальной судебной грамоты. Об этом свидетельствует ст. 50 «Псковской Судной грамоты», где регламентирован порядок оплаты различных судебных документов [2, с. 336]. Статья 26 «Новгородской Судной грамоты» указывает на возможность отмены судебного приговора и последующее рассмотрение дела в суде высшей инстанции, который в Новгородском государстве являлся постоянно действующим органом власти [2, с. 306].

Порядок рассмотрения дел в средневековом германском суде, в соответствии с нормами «Саксонского зерцала», по своему характеру во многом перекликается с системой польского средневекового судопроизводства. Однако есть и особенности! Характерная особенность порядка ведения судебного заседания заключается в том, что судья (граф, географ и т. д.) только руководил судебным процессом в качестве председательствующего, но сам в вынесении решения не принимал участия. О чем гласит § 2 ст. 30 Книги III «Земского права»: «Судья должен быть равным судьей

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

для всех людей. Он не должен ни предлагать (выносить) решения, ни оспаривать их» [6, с. 90]. Решения «находили» судебные заседатели (шеффены – в земском суде, вассалы – в ленном суде и т. д.). Предлагаемый проект решения подвергался оспариванию недовольной стороной, а затем голосовался судебными заседателями и таким путем превращался в окончательное решение суда. При этом специфика состязательного процесса состояла в том, что по каждому возникшему при судоворении вопросу запрашивалось у заседателей частное «решение». На основе принятого частного решения выдвигались новые вопросы, и так весь процесс шел от решения к решению, пока не принималось общее окончательное решение по делу. За предложенное «по чистой совести» решение заседатель не нес ответственности, даже если оно было бы признано неправильным и отвергнуто. Так, § 9 ст. 12 Книги II «Земского права» гласит: «Когда кого-либо запрашивают о решении и он его предлагает по своему разумению, как он считает это наиболее справедливым, то если даже решение окажется несправедливым, он из-за этого не несет никакого ущерба» [6, с. 53].

Средневековому германскому суду был известен принцип обжалования судебного решения перед судом высшей инстанции. Согласно § 4 ст. 12 Книги II «Земского права», если сторона оспаривала, опротестовывала решение, то дело переносилось к вышестоящему судье, в конечном итоге – в королевский суд [6, с. 52]. Формально обжалование перед высшим судом сохраняло еще характер спора не между сторонами, а между опротестовавшим решением и тем заседателем, который предложил решение. В статьях 59 и 60 гл. II «Ленного права» также подробно изложен порядок обжалования решения ленной курии перед вышестоящим сеньором [6, с. 140–141].

Судебные решения и приговоры в XIV–XV вв., как и в более ранний период, исполнялись специальными судебными чиновниками-приставами, которые взимали пошлины, штрафы и следили

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

за выполнением решения или приговора суда. Так, ст. 157 «О приставах» Бистричского списка рукописи «Законника Стефана Душана» (по Призренскому списку данная норма права изложена в ст. 164) гласит: «Пристава без судейской грамоты или без грамоты моего царского величества никуда да не ходят, но куда их посылают судьи, да пишут им грамоты, и да не берет пристав ничего иного, кроме того, о чем написано в грамоте. А судьи пусть держат (у себя) копии тех грамот, какие дали приставам, которые послали, чтобы они исполняли (судебные приговоры) по земле царской. Если же будет донос на приставов, что они поступили иначе, чем написано в грамоте, или что они другим образом переписали грамоты, то они должны оправдаться и да явятся перед судьями, и если окажется, что они поступили так, как написано в судейской грамоте, которую (у себя) имеют, то они правы; если же окажется, что они переиначили судебный приговор, то отсечь им руки и вырезать язык» [19, с. 212].

В порядке сравнения отметим, что в соответствии с нормами средневекового польского права исполнение судебных решений, как правило, должно было производиться сторонами добровольно. Однако источники средневекового права Польши предусматривают и случаи, когда исполнение судебных решений производилось специальными судебными чиновниками. К таким случаям следует отнести исполнение судебных решений по делам о вотчине, о долге как обеспеченном залогом имущества, так и о долге, не гарантированном залогом. Кроме того, согласно определению судьи судебные исполнители производили также конфискацию волов у ответчика, не явившегося в суд по вызову.

Так, например, при решении дела о вотчине в пользу истца суд, в соответствии со ст. 27 «Полного свода статутів Казимира III», поручал своему чиновнику произвести так называемый ввод истца в законное владение спорным недвижимым имуществом [5, с. 72]. В том же случае, когда за неявку в суд ответчик, в силу ст. 23 «Полного свода статутів Казимира III», подвергался кон-

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

фискации двух волов, то исполнение этого решения судья поручал своему судебному исполнителю, в помощь которому выделялось не более двух слуг. Изъятые таким путем волы должны были сохраняться в течение определенного времени (летом в течение двух недель, а зимою в течение восьми дней). Если за это время ответчик не оправдывал свою неявку в суд, то указанные волы шли в счет погашения штрафных санкций, т. е. переходили в собственность короля.

О сроках исполнения судебных приговоров в средневековых русских государствах говорится в ст. 34 «Новгородской Судной грамоты». Указанная статья определяет срок в один месяц для уплаты судебных пошлин и исполнения судебного решения. Если в установленный срок судебное решение не исполнялось, то виновное лицо принуждалось приставами новгородского вече к его исполнению [2, с. 307]. Важная роль в исполнении судебных решений средневековой Германии отводилась судебным исполнителям. Согласно § 1 ст. 56 Книги III «Земского права» судебный исполнитель избирался судьей и шеффенами и принимал присягу королю [6, с. 102]. Судебный исполнитель, в соответствии с § 2 ст. 56 Книги III «Земского права», был наделен правом «брать обеспечение, арестовывать, налагать запрещение в отношении любого человека и его имущества по праву, когда он к тому управомочен судебным решением. Если же он совершит преступление, он может быть лишен жизни и его имущества, как всякий другой. Он не должен носить ни меча, ни какого-либо другого оружия. Если кто-либо сопротивляется его праву, то он должен призывом на помощь созвать народ и выполнить свои обязанности, если он это сможет. Если он не сможет выполнить это, он приносит жалобу судье» [6, с. 102]. В соответствии с «Саксонским зеркалом» лицо, проигравшее судебный процесс, должно было выполнить решение суда в течение 14 дней, максимальный срок для погашения судебного штрафа не должен был превышать шести недель [6, с. 50].

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

Процессуальное право средневековой Сербии в XII–XV вв., как и стран континентальной Европы, еще не подразделялось на гражданский и уголовный процесс. Рассмотрение гражданских дел в суде строилось на основе принципа состязательности. При рассмотрении уголовных дел процесс был инквизиционным по своему характеру. В центре судебного разбирательства находился обвиняемый, но главным лицом, определяющим ход процесса, был судья. Данная тенденция была характерной для процессуального права как славянских стран, так и стран Центральной и Западной Европы в изучаемый исторический период. Характерным институтом процессуального права для стран средневековой Европы было наличие института «соприсяжников». В средневековой Сербии существовал и институт исполнения судебного решения, правоприменение которого регламентировали ст. 91, 107 и 108 «Законника Стефана Душана» 1349 г. Данный институт также соответствовал основным принципам развития процессуального права континентальных стран средневековой Европы. Следовательно, развитие важнейших институтов средневекового процессуального права в странах континентальной Европы шло на основе общих тенденций и закономерностей.

Список использованных источников

1. Vinodolski zakon // Јанковић, D. Историја државе и права феудалне Србије (XII–XV век) / D. Јанковић. – 3-е издање. – Београд: Научна књига, 1961. – С. 157–168.
2. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – Т. 1. – 432 с.
3. Jireček, H. Slovanské právo v Čechach a na Moravě / H. Jireček. – Praha, 1863. – 318 s.
4. Ермолович, В. И. Процессуальное право средневековой Чехии / В. И. Ермолович // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 17 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2006. – С. 51–61.
5. Zwód zupełny statutów Kazimierza Wielkiego // Starodawne prawa polskiego pomniki / Wyd. A. Z. Helcel. – Kraków, 1856. – Т. 1. – 428 s.

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия: сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

6. Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / под ред. В. М. Корецкого. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

7. Ландслаг короля Магнуса Эрикссона / пер. со старошведского и примечания С. Д. Ковалевского // Средние века. Сборник. – М.: Наука, 1964. – Вып. 26. – С. 185–203.

8. Тушина, Г. М. Человек перед судом в средневековом Провансе XIII–XIV вв.: источники и современные исследования / Г. М. Тушина // Право в средневековом мире: сб. статей. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 17–36.

9. *Maciejewski, T.* Historia ustroju i prawa sadowego Polski / T. Maciejewski. – 2 wydanie rozszerzone i zmienione. – Warszawa: C. H. Beck, 2003. – 463 s.

10. Доўнар, Ю. П. Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім: дыс. ... канд. юрыд. навук: 12.00.01 / Ю. П. Доўнар. – Мінск, 2003. – 135 л.

11. *Beaumanoir, P.* Coutume de Beauvaisis par Am. Salmon / Philippe de Beaumanoir. – Т. 2. – Paris, 1900. – P. 99–111.

12. Statut piérwszy Wiślickie Malopolski z roku 1347 // Starodawne prawa polskiego pomniki / Wyd. A. Z. Helcel. – Warszawa, 1856. – Т. 1. – S. 173–182.

13. Ермолович, В. И. Государство и право Чехии IX–XVI веков / В. И. Ермолович. – Минск: БГЭУ, 2005. – 140 с.

14. *Bilý, J. L.* Právni dějiny na území České Republiky / J. L. Bilý. – Praha: Linde Praha, 2003. – 474 s.

15. Салическая правда / под ред. профессора В. Ф. Семенова. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1950. – 168 с.

16. Греков, Б. Д. Винодольский статут об общественном и политическом строе Винодола / Б. Д. Греков // Избр. тр.: в 5 т. – Т. 1. – М.: АН СССР, 1957. – С. 33–107.

17. Закон Судный людем пространной и сводной редакции/ под ред. М. Н. Тихомирова. – М.: АН СССР, 1961. – 281 с.

18. Призренский список «Законника Стефана Душана» // Зигель, Ф. Законник Стефана Душана / Ф. Зигель. – СПб.: Императорский С.-Петербургский ун-т, 1872. – 220 с.

19. Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис/ Уредник академик М. Беговић. – Београд: Српска Академија наука и уметности, 1981. – Књ. II. – 300 с.

20. Ермолович, В. И. Право средневековой Сербии (XII–XV вв.) / В. И. Ермолович. – Минск: БГЭУ, 2003. – 119 с.

21. Ермолович, В. И. Судоустройство и судопроизводство в средневековой Сербии / В. И. Ермолович // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 14 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2003. – С. 125–137.

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

22. Тарановски, Т. В. Историја српског права у Немањинској држави / Т. В. Тарановски. – Београд: Службени лист СРЈ, 1996. – 805 с.

23. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. – М.: Наука, 1965. – 226 с.

В. И. Ермолович

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ИНСТИТУТОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА СЕРБИИ И СТРАН КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Предметом исследования в аннотируемой статье является процессуальное право средневековой Сербии и стран континентальной Европы. Правовые нормы и институты данной отрасли права представляют собой характерные примеры развития средневекового процессуального права не только славянских стран, но и стран Европы, относящихся к романо-германской (континентальной) правовой семье.

В статье изложены результаты проведенного анализа основных институтов процессуального права стран средневековой континентальной Европы. Это позволило установить, что средневековый процесс базировался на правовом обычае, судебной практике, законодательстве стран Европы и нормах римского права.

Автором проанализированы источники средневекового процессуального права Сербии, Польши, Германии, Франции, русских княжеств, Чехии и Швеции. Исследована процедура рассмотрения гражданских и уголовных дел в средневековом суде, изучен механизм выработки решения по судебным делам и процесс реализации судебных постановлений.

V. I. Yermolovich

COMPARATIVE ANALYSIS OF FUNDAMENTAL INSTITUTIONS OF THE PROCEDURAL LAW IN MEDIEVAL SERBIA AND EUROPEAN COUNTRIES

The paper discusses the origin of the procedural law foundations and analyses the process of legal procedure formation in ancient common law.

By the example of Serbian state and European countries system formation, the sources of European procedural law having roots in common law, legal practice and Roman law standards are analysed.

Ермолович, В.И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В.И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89–117.

Analysing a wide range of sources the author showed that Medieval Serbian and European continent countries litigation was an adversarial process. However, a legal procedure regulating grave crimes was inquisitional in character.

The present article considers the procedure of bringing the parties to court, civil and criminal procedures, the instrument of court judgements and their enforcement.